

Он был раздражен, сильно давил на газ, особенно когда вспомнил, что, скорее всего, именно Сяо Нань выдала его местоположение Ши Юаню.

Сяо Нань была фанаткой красивых парней, перед красавчиками она забывала обо всем.

А Ши Юань с его гневным отношением, словами в кабинке и открытым вопросом, почему он не может ухаживать за Цзян Данем.

Это было признание?

Цзян Дань был в ярости. Если это и было признанием, то слишком уж легкомысленным. Просто на эмоциях... словно в назидание, в кабинке общественного туалета?

Или Ши Юань уже решил, что Цзян Дань и так в курсе его чувств — ведь с тех пор, как он вернулся из города Ин, он даже не пытался их скрывать — и поэтому решил пропустить этап признания?

Постоянно отвлекаясь, Цзян Дань резко затормозил на красный свет, глубоко вздохнул и написал Кан Фаньсиню в WeChat: «Уволь Ши Юаня».

Но едва он написал это, как сразу же стер всё на чисто.

И на следующем перекрестке повторил то же самое.

В конце концов он отбросил телефон в сторону, вспомнив, как Ши Юань был приятен в последние месяцы, и сердце его смягчилось. Как раз в этот момент Ши Юань позвонил, но Цзян Дань оставил звонок без ответа.

Пусть немного подождет.

Он думал.

В конце концов, он всего лишь девятнадцатилетний парень, его интерес быстро угаснет. Наткнувшись на отказ, он скоро отступит. Даже если не отступит, ему рано или поздно придется уехать за границу для учебы, и тогда всё закончится. Так он сможет сохранить лицо семьи Ши, чтобы не пошел слух, что младшего сына уволил его же начальник.

Итак, благодаря редкому снисхождению начальника Цзяна, Ши Юань стал первым в истории студии сотрудником, который открыто ухаживал за боссом и при этом не был уволен.

А сестрица Яо проиграла всё в коллективных спорах — она ставила, что Ши Юань продержится максимум три дня.

Спустя множество таких «трех дней» ей пришлось признать поражение и неохотно угостить всех послеобеденным чаем.

После того дня, когда Ши Юань вскрыл «план» Цзян Даня, он, словно получив наставление знатока, стал действовать менее настойчиво. Он перестал целый день липнуть к Цзян Даню, больше не занимался глупостями вроде подмены папок, давая тому возможность перевести дух.

Однако обед он по-прежнему делил с Цзян Данем, послеобеденный кофе неизменно приносил, вечерами всё так же сидел на маленьком диване, сопровождая его во время переработок, а иногда, в хорошем настроении, напевал в пустой студии любовные песни, эхо которых

разносилось по помещению.

Но только Ши Юань знал, что внутри него бурлило нетерпение. Ему, конечно, этого было недостаточно, гораздо недостаточно. Он хотел большего.

Цзян Дань же, введенный в заблуждение видимым миром, думал, что жизнь вернулась в нормальное русло. К тому же работа в конце года резко увеличилась, и ему нужно было готовиться к фотоконкурсу «Человек с обложки», который имел высокую репутацию в индустрии. Конкурс проводился ежегодно, и организаторы отправляли приглашения определенным фотографам, которые должны были самостоятельно снять работы, соответствующие требованиям, и отправить их на суд жюри.

Цзян Дань в этом году получил приглашение впервые и отнесся к этому с особым вниманием, потратив несколько дней на изучение прошлых победных работ.

Когда встал вопрос о том, кого снимать, сотрудники студии собрались вместе, чтобы предложить идеи. Сяо Нань открыто предложила Цзян Даню пожить «своим в огороде», ведь Ши Юань был прямо здесь, и почему бы не воспользоваться этим.

Мгновенно она получила «смертельный взгляд» от начальника и поспешно замолчала.

Финальные критерии оценки включали не только фотографии и постобработку, но и статус модели, что сильно зависело от связей. Сестрица Яо предложила:

— Учитель Цзян действительно хорошо снимает мужчин. Помните, в прошлый раз в парке развлечений снимался один актер? Его фото вышли просто огонь. Может, спросим, не согласится ли он снова побыть моделью?

Кан Фаньсинь сразу же сказал:

— Я беру это на себя.

Определившись с актером, до конкурса оставалась неделя, когда организаторы официально объявили состав участников. Цзян Дань, попивая кофе, пролистывал список, и вдруг его палец остановился на одном имени.

Снова Лун Яо.

Цзян Дань удивился. Разве он не был главным фотографом журнала «Естественная география»?

Он нажал на имя и снова увидел привычную информацию из Википедии, где описывались его ранний успех, высокомерие и отрешенность от мирских забот.

— Лун... Яо... кто это? — неожиданно спросил Ши Юань, появившись за его спиной, и прочитал вслух.

Цзян Дань закрыл страницу, отодвинулся в сторону и, не оборачиваясь, строго сказал:

— Можешь не появляться так внезапно? И не соваться в чужой телефон? И не стоять так близко.

При этом его ухо явно покраснело.

Но Ши Юань не заметил и, услышав это, пробормотал:

— Ой, сколько придирок, не подходи, не лезь...

Но сразу же добавил:

— Ладно, как скажешь, в следующий раз учту! Но сначала скажи, кто это? Ты так долго смотришь на его анкету. Это конкурент? Сложный? Может, помочь тебе и перед конкурсом избить его, чтобы он не смог держать камеру?

— Не дури, — вздохнул Цзян Дань. — Он член жюри.

— Член жюри? — Ши Юань, не думая, выпалил. — Так ты смотришь его данные, чтобы подкупить его? Увидев, что Цзян Дань нахмурился, он тут же начал выкручиваться:

— Я шучу, конечно! Наш учитель Цзян не нуждается в подкупе, он может покорить его своей красотой и талантом!

— ...

Лучше бы ты вообще молчал, подумал Цзян Дань. Ши Юань никогда не был мастером лести, и когда он пытался, это всегда выходило боком. Цзян Даню было куда приятнее слушать его колкости.

Организаторы конкурса заботливо устроили банкет накануне старта соревнований. В этот день фотографы могли принести флешки с конкурсными работами, но главной целью было создать платформу для общения, так как члены жюри также присутствовали, и большинство из них были ветеранами индустрии и главными редакторами модных журналов, обладающими множеством связей.

Цзян Дань, разумеется, взял с собой Кан Фаньсиня, который, готовясь к битве, заранее съел две таблетки для защиты печени, выучил наизусть информацию обо всех потенциально полезных членах жюри и был готов сражаться до последнего.

Они вышли из студии в костюмах, и у входа увидели Ши Юаня, запыленного после прогулки, с защитными перчатками, которые Цзян Дань подарил ему.

Ши Юань не сводил глаз с Цзян Даня, с леденцом во рту невнятно спросил:

— Куда это вы? На красную дорожку?

Кан Фаньсинь взглянул на часы, коротко объяснил ситуацию, затем попросил у Цзян Даня ключи от машины и первым спустился в подземный паркинг.

Но Ши Юань нахмурился:

— Банкет? Ты же не пьешь, зачем тебе туда?

Цзян Дань усмехнулся:

— Я участник. Если я не поеду, а пошлю представителя, меня будут осуждать до смерти.

Ши Юань настаивал:

— Тогда я тоже пойду.

— Не дури, — Цзян Дань начал раздражаться, глядя на худи, джинсы и кроссовки Ши Юаня. — Не путайся под ногами, мне некогда с тобой возиться.

— Нет, а если кто-то замыслит против тебя недоброе? Я твой телохранитель, я должен быть рядом.

Цзян Дань невольно рассмеялся. Ши Юань даже не осознавал, что именно он является тем самым человеком, который строит козни против Цзян Даня.

Цзян Дань терпеливо объяснил:

— Всё в порядке, таких мероприятий много. У Кан Фаньсиня есть опыт, он всё ответит. Не волнуйся.

— Кан Фаньсинь? Я ему не доверяю. Помнишь того противного агента? Это он чуть не продал тебя. Я его знаю, он всегда руководствуется принципом «волка бояться — в лес не ходить», учитель Цзян, ты и есть та жертва... мм...

Цзян Дань не стал слушать его чушь, выхватил леденец у него из рук и засунул ему в рот:

— Неважно, жертва я или волк, ешь свой леденец и ступай домой, сегодня у тебя выходной. Утром опять на паркур ходил?

Ши Юань ответил:

— Просто тренировался.

Увидев, что Кан Фаньсинь подъехал на машине, он быстрым движением открыл дверь и первым залез на заднее сиденье, по-нахальству обняв спинку переднего кресла, и, подмигнув Цзян Даню, сказал:

— Я всё равно поеду.

Обычно спокойный Цзян Дань побледнел от гнева. Кан Фаньсинь взглянул на них обоих и сказал:

— Цзян Дань, садись в машину, потом разберемся.

<http://bllate.org/book/16880/1556083>